

ЭЛЕМЕНТЫ ПАРЛАМЕНТАРИЗМА В КОНСТИТУЦИИ ВТОРОГО МОРСКОГО СОЮЗА

Начиная с XVII в. ученые, занимающиеся исследованием политических проблем, предпринимали неоднократные попытки четко разграничить сферу деятельности различных государственных учреждений. Была разработана теория, известная под названием теории разделения властей, согласно которой вся совокупность государственной власти подразделялась на три ветви — законодательную, исполнительную и судебную. Эта теория возникла не случайно. Она была направлена против королевского абсолютизма и знаменовала собой переход к парламентарной форме государственного управления. Собственно говоря, указанная теория отражала компромисс между двумя основными силами общества — дворянством и буржуазией — в целях разделения сфер господства в государстве. Нечто аналогичное с тем, что происходило в странах Западной Европы на рубеже XVII—XVIII вв., мы наблюдаем и в возрожденном морском союзе. Компромисс между афинянами и союзниками, запечатленный в строках декрета Аристотеля, лег в основу верховного управления симмахии, во главе которой стояли теперь два органа: афинская экклесия и совет союзников. В исторических работах, посвященных проблемам древнегреческой государственности, синедриону Второго морского союза уделяется особое внимание. Отмечая значительный прогресс в структуре и деятельности этого органа, исследователи справедливо считают, что синедрион представлял собой самый решительный шаг на пути к парламентаризму¹. Вызывает лишь удивление, что при этом совершенно игнорируется другое не менее важное обстоятельство, заключающееся в том, что в синедрион не входили представители афинского государства. А ведь такой факт мог означать не что иное, как стремление союзников добиться положения, при котором общесоюзная политика отвечала бы интересам всех членов симмахии, а не только города-гегемона, которым в данном случае являлись Афины; и так как Союз не имел собственного правительства и функции последнего выполнялись афинскими должностными лицами², то, следовательно, в отмеченном факте можно видеть также и стремление ограничить или, как бы мы сегодня сказали, установить контроль над исполнительной властью³.

Орган, через который члены Второго морского союза выражали свое мнение, именовался как *συνεδριον των συμμάχων* (Diod., XV, 28,3; IG, II/III², 1, № 96, сткк. 19, 23), тогда как совет союзников Пелопоннесского и Делосского объединений носил название синода (*συνodus*, см. Thuc., I, 96, 2; 97, 1; 119, 1). Причина происшедшего изме-

¹ В. Н. Дьяков, Греция в первой половине IV в. до н. э., в кн. «Древняя Греция», под ред. В. В. Струве и Д. П. Каллистова, М., 1956, стр. 391, 426, 447; W. W a r d e - F o w l e r, The City-State of the Greeks and Romans, L., 1893, стр. 291; F. M a r s h a l l, The Second Athenian Confederacy. Cambr., 1905, стр. 53 сл.; G. G l o t z, La Cité grecque, P., 1928, стр. 429 сл.; P. C l o c h é, La Démocratie athénienne, P., 1951, стр. 297—298; J. A. O. L a r s e n, Representative Government in Greek and Roman History. Berkeley — Los Angeles, Calif., 1955, стр. 47 сл.; он же, Greek Federal States. Their Institutions and History, Oxf., 1968, стр. XVII—XVIII; G. T é n é k i d è s, Droit international et communautés fédérales dans la Grèce des Cités (Vème — IIIème siècles avant J.-C.), в сб. «Académie de Droit International. Recueil des Cours», II, 1956, стр. 578, 607; J. E l l u l, Histoire des Institutions de l'Antiquité, P., 1963, стр. 146—147; V. E h r e n b e r g, Der Staat der Griechen, Stuttg., 1965, стр. 140 сл.; T. T. B. R y d e r, Koine Eirene. General Peace and Local Independence in Ancient Greece, Oxf., 1965, стр. 56—57; S. A c c a m e, L'Imperialismo ateniese all'inizio del secolo IV a. C. e la crisi della polis, Napoli. 1966, стр. 18—23; J. G a u d e m e t, Institutions de l'Antiquité, P., 1967, стр. 181.

² E. M e y e r, Geschichte des Alterthums, V, B. — Stuttg., 1902, стр. 383; M a r s h a l l, ук. соч., стр. 44 сл.; M. C a r y, The Second Athenian League, CAH, vol. VI, Cambr., 1927, стр. 73; S. A c c a m e, La lega ateniese del sec. IV a. C., Roma, 1941, стр. 107 сл.; N. G. L. H a m m o n d, A History of Greece to 322 B. C., Oxf., 1959, стр. 487; E h r e n b e r g, ук. соч., стр. 137; L a r s e n, Greek Federal States, стр. XVII.

³ Cp. G l o t z, ук. соч., стр. 428; J. H a t z f e l d, La Grèce et son Héritage, P., 1945, стр. 227.

нения кажется довольно ясной. Синедрион Второго морского союза мыслился как суверенный орган, независимый от афинской экклесии, имеющий собственных должностных лиц и даже собственную казну (см. ниже). Упомянутые усовершенствования, касавшиеся работы синедриона в целом, требовали и соответствующего изменения в наименовании. Было придумано не новое, а использовано старое название — *συνεδριον*, применявшееся еще в Дельфийской амфикинии (Diod., XVI, 59, 4; 60, 1; XVII, 4, 2; Plut., Them. XX, 10) и антиспартавской коалиции 394—387 гг. (Diod., XIV, 82, 2). Выбор не был случаен: именно в этих двух объединениях союзный совет не испытывал грубого влияния со стороны какой-либо посторонней силы.

Что касается структуры синедриона, то сохранившиеся источники не дают о ней отчетливого представления. По словам Диодора, синедрион Второго морского союза включал в себя делегатов из всех союзных городов, причем каждый город, и большой и малый, обладал правом только одного голоса (Diod., XV, 28, 4). Казалось бы, естественно предположить, что число делегатов соответствовало числу союзных городов. Между тем если мы обратимся к надписям, то перед нами откроется совершенно иная картина. Мы, например, слышим об одном делегате из Кариста (IG, II/III², 1, № 124, сткк. 7—9), вероятно, также об одном делегате из Тенедоса (IG, II/III², 1, № 233, сткк. 39—40: *ἐπαι[νέσαι δὲ τὸν σύνεδρον τῶν Τενεδίων]* ...; далее — сткк. 41—42 — почему-то говорится о многих делегатах из Тенедоса, но связь выражений потеряна); однако, с другой стороны, мы слышим о нескольких делегатах из Митилены и четырех других городов Лесбоса (IG, II/III², 1, № 107, сткк. 27—31). Большинство исследователей не видят здесь особого противоречия и склоняются к тому, что каждый город действительно обладал правом одного голоса, но посылал делегатов столько, сколько желал⁴. Другого мнения придерживается С. Аккаме. Он последовательно доказывает, что в последней из упомянутых надписей камнерезчик допустил ошибку: на самом же деле в документе, с которого снималась копия, речь шла только об одном делегате из Митилены⁵. Можно, конечно, соглашаться или не соглашаться с такой интерпретацией, но хотелось бы отметить следующее. Любое исправление текста требует большой осторожности и ответственности. Аккаме на протяжении своей работы исправляет и дополняет целый ряд надписей. Следует отдать должное исследователю — некоторые его идеи действительно заслуживают внимания. Однако та поразительная легкость, с которой он разрешает все спорные проблемы, ставит под сомнение его прозорливость. Наконец, существует еще одна точка зрения по рассматриваемому вопросу, принадлежащая У. Карштеду, который считает, что число делегатов от каждого союзного города, так же как и число принадлежащих им голосов, не было равномерным, а находилось в пропорциональной зависимости от размера территории или численности населения данного государства⁶. Мы точно знаем, что подобная система представительства имела место в Эллинском союзе, основанном в 337 году (IG, II/III², 1, № 236, сткк. 24—36). Так, может быть, его создатели просто-напросто воспользовались тем, что было введено еще сорок лет назад во Втором Афинском морском союзе? Это тем более необходимо выяснить, потому что переход к пропорциональной системе представительства не является лишь механической реформой. Если бы такой переход произошел, то он свидетельствовал бы о том, что синедрион из органа, представляющего интересы отдельных городов, превратился в орган, выражающий интересы нации в целом, где каждая часть Элады представлена в соответствии с ее размерами и населением. К сожалению, источники не позволяют нам сделать столь далеко идущие выводы в отношении Второго морского союза. Наоборот, один из документов как раз доказывает правоту слов Диодора о равноправном распределении го-

⁴ Marshall, ук. соч., стр. 22; C. Phillipson, *The International Law and Custom of Ancient Greece and Rome*, vol. II, L., 1911, стр. 21; V. Martin, *La Vie internationale dans la Grèce des Cités (VI-é — IV-é s. av. J.-C.)*, Paris — Genève, 1940, стр. 253; Larsen, *Rep. Govt.*, стр. 55; H. Bengston, *Griechische Geschichte*, München, 1960, стр. 267.

⁵ Accame, *La lega ateniese*, стр. 109 сл.

⁶ U. Kahrstedt, *RE*, 2 Reihe, Bd. IV, Hbbd. 8, 1948, стб. 1334.

лосов между городами. Мы имеем в виду постановление о принятии в Союз Керкиры, Акарнании и Кефаллеии. В нем указывается, что каждый из трех названных полисов должен направить своих делегатов в синедрион, однако норма представительства не определяется (IG, II/III², 1, № 96, сткк. 22—24: $\pi[\epsilon\mu\psi\alpha\iota\ \delta\epsilon\ \kappa\alpha\iota\ \sigma\upsilon\nu\epsilon\delta\rho\omicron\upsilon\varsigma\ \tau\omega\nu\ \pi\acute{o}[\lambda\iota]\omega\nu\ \epsilon\kappa\alpha\sigma\tau\eta\nu\ \epsilon\varsigma\ \tau\acute{o}\ \sigma\upsilon\nu[\epsilon\delta\rho\iota\omicron\nu\ \tau\omega\nu\ \sigma\upsilon\mu\mu\acute{\alpha}\chi\omega\nu]$...). А ведь такая небрежность была бы немислимой, если бы число голосов, предназначенное для союзников, было различным; в особенности, если принять во внимание, что государства, упоминаемые в этом документе, являлись самыми значительными как по численности населения, так и по масштабам территории. Кроме того, одно из них, а именно Акарнания, возглавляла даже целую федерацию⁷. Поэтому, видимо, следует признать, что во Втором Афинском союзе не существовало системы пропорционального представительства и каждому государству соответствовал только один голос. Но это не означало, что каждое государство имело только одного представителя. Несомненно, наиболее крупные города посылали в союзный совет нескольких делегатов, чтобы тем самым влиять на ход дебатов и направлять мнение синедриона в нужное для себя русло. Вместе с тем нужно учитывать и то, что в отдельных случаях наличие нескольких делегатов от одного государства было просто необходимо. Известно, что члены синедриона участвовали в посольствах и миссиях (Aesch., II, 20; речь идет о посольстве к Филиппу), исполняли различного рода должности (см. ниже); кроме того, они должны были поддерживать постоянную связь со своими правительствами. И если бы каждый город имел только одного представителя, то синедрион вряд ли мог собраться когда-либо в полном составе и выполнять свои полномочия.

Существенным отличием синедриона Второго морского союза, отличием, которое роднит его с парламентами современных государств, являлось то, что он имел своего собственного председательствующего, а вернее, даже целый комитет, состоящий из определенного числа людей. В предшествующих симмахиях, Пелопоннесской и Делосской, право созывать союзный совет ($\sigma\upsilon\nu\epsilon\delta\omicron\varsigma$) и руководить его заседаниями принадлежало государству, обладавшему гегемонией. Для Второго морского союза такой вариант был исключен, в связи с чем и возникла необходимость создания для синедриона какого-либо руководящего органа. В 1927 г. Ларсен⁸ выдвинул гипотезу, согласно которой обязанности председателя синедриона во Втором Афинском морском союзе исполняли особые должностные лица, называемые проедрами. Ларсен исходил из того, что подобный же институт должностных лиц существовал как в Эллинском союзе 337 г.⁹, так и в афинском Народном собрании, начиная, примерно, с 80-х годов IV столетия¹⁰. Несомненное заимствование, которое наблюдается в данном случае, по мнению Ларсена, произошло не прямым путем — от афинской экклесии к синедриону 337 г., а через промежуточное звено — Второй Афинский морской союз¹¹. Предложенная гипотеза не лишена оснований, особенно если учитывать тот факт, что большинство эллинских магистратур носило коллегиальный характер. В 1936 г. была опубликована уникальная надпись, содержащая пока что единственное дошедшее до нас постановление синедриона, по времени относящееся к 373/2 г.¹² Постановление

⁷ См. Larsen, Greek Federal States, стр. 264.

⁸ В работе, которая осталась в рукописи, см. Larsen, Rep. Govt., стр. 5.

⁹ Этот союз распался сразу же после смерти Александра Македонского, но был восстановлен в своем первоначальном виде в 302 г. Во главе синедриона возрожденной симмахии стояли пять проедров, избравшиеся по жребию (SEG, 1, № 75, сткк. 21—23). Вряд ли кто-нибудь будет отрицать, что институт восходит к 337 г., см. M. S a g u, A Constitution of the United States of Greece, ClQu, vol. XVII, 1923, № 3, стр. 148.

¹⁰ Первое упоминание о проедрах как постоянных афинских магистратах мы находим в декрете Аристотеля (IG, II/III², 1, № 43, стк. 6). Интересно, что такое же название имели члены специальной комиссии, созданной во время олигархического переворота 411 г. Олигархический совет Четырехсот был составлен следующим образом: пять проедров назначали сто человек, из которых каждый выбирал еще троих (Thuc., VIII, 67, 3).

¹¹ Larsen, Rep. Govt., стр. 61.

¹² J. O l i v e r, Inscriptions from Athens, AJA, vol. 40, 1936, № 4, стр. 461.

сильно фрагментировано, однако строки, касающиеся административного аппарата, сохранились почти полностью. Из них вытекает, что лицом, наделенным председательскими полномочиями, являлся некий фиванец, имя которого не поддается восстановлению (сткк. 14—16: ἐπὶ... ἐ[πιψηφί]ζοντος [.....Θ]ηβαίο...). Данная надпись, таким образом, полностью подтверждает положение о существовании в синедрионе Второго морского союза особого руководящего органа, и вопрос лишь в том, состоял ли он из одного человека или представлял собой целый комитет, как это считает Ларсен. Интерпретация Аккаме по этому поводу не вносит ясности. На наш взгляд, Аккаме искусственно переносит взаимоотношения, сложившиеся между синодом и городом-гегемоном в более ранних симмахиях, на Второй Афинский морской союз, а потому и отказывает синедриону в какой бы то ни было самостоятельности, полагая, что последний мог собираться и выбирать единственного председателя только по требованию афинских властей¹³. В то же время рассматриваемая нами надпись если и не подтверждает в полной мере гипотезу Ларсена, то и не свидетельствует против нее. Упоминание одного лица в качестве председателя еще не означает, что должность была не коллегиальной. Афинские надписи V в. и первой половины IV в. никогда не перечисляют всех членов той или иной коллегии, а называют только главного из них, как, например, архонта-эпонима, эпистата проедров, секретаря Буле¹⁴. Вероятнее всего, в нашем случае безымянный фиванец был не единственным председателем синедриона, а возглавлял целую коллегию, ответственную за работу этого государственного органа.

Круг деятельности синедриона, как мы увидим далее, был довольно-таки разнообразен: в частности, ему принадлежало право принимать клятвы от государств, возывших желание присоединиться к симмахии. Для этой цели синедрион избирал специальную комиссию, о чем свидетельствует уже известная нам надпись о вступлении в Союз лесбосского города Мефимны (IG, II/III², 1, № 42). В сткк. 19—22 мы читаем: ἐπιμελεῖσθαι... καὶ τοὺς συνέδρους τοὺς ἐπὶ τῶν [νε]ῶν ὅπως ἀν ἐμβῶσιν αἱ ἀρχαὶ αἱ Μ[ηθ]υμναίων καθάπερ οἱ ἄλλοι σύμμαχοι[ι]. Нам кажется, что выражение τοὺς συνέδρους τοὺς ἐπὶ τῶν [νε]ῶν следует понимать не в прямом смысле, как это обычно делают исследователи¹⁵, а в качестве *terminus technicus*¹⁶, ибо люди, обязанные принимать клятвы от различных союзных городов по роду своей службы, действительно все время находились на кораблях. Лаконичность языка декрета не позволяет определить ни состав интересующей нас комиссии, ни принципы ее формирования, однако можно предполагать, что она была постоянной и набиралась из тех «дополнительных» членов синедриона, которые не обладали правом голоса.

Источники показывают, что синедрион имел свою собственную казну, созданную на средства союзников (IG, II/III², 1, № 43, сткк. 45—46; № 125, сткк. 15—16). Существование такой казны открывало перед синедрионом большие возможности, а главное, обеспечивало ему независимое положение и свободу действий. Согласно декрету Аристотеля, в казну синедриона должны были поступать доходы от продажи конфискованного имущества и различного рода штрафы (IG, II/III², 1, № 43, сткк. 40—45). Очевидно, сюда же вносились и *συνταξίς*, который использовался на военные нужды, как это и было предусмотрено принципами симмахии ([Dem.], XLIX, 49). Несомненно, что заведование казной находилось в руках официальных лиц, назначенных синедрионом, хотя прямых доказательств, подтверждающих данное положение, не сохранилось. Возможно, это были те же самые гелленотамии, которых мы встречаем в Делосском со-

¹³ А с с а м е, *La lega ateniese*, стр. 118—119.

¹⁴ В. В. Л а т ы ш е в, *Очерк греческих древностей*, ч. 1, СПб, 1897, стр. 223 сл., 242.

¹⁵ E. L. Hicks and G. F. Hill, *A Manual of Greek Historical Inscriptions*, Oxf., 1901, стр. 201; А с с а м е, *La lega ateniese*, стр. 101; M. N. Tod, *A Selection of Greek Historical Inscriptions*, vol. II, Oxf., 1948, стр. 59.

¹⁶ В этом смысле представляет интерес восстановление, предложенное В. Юдейхом (W. Judeich, *Kleinasiatische Studien*, Marburg, 1892, стр. 269): τοὺς ἐπὶ τῶν [ἄρχ]ων, т. е. люди, ответственные за клятвы.

юзе¹⁷, с той лишь разницей, что избирались они не из афинских граждан, а из представителей союзных городов.

Интересно было бы выяснить, имелось ли у синедриона право самому решать, как, когда и в течение какого времени будут происходить его заседания или последние регулировались исполнительной властью в лице афинского государства. Вопрос этот имеет прямое отношение к делу, поскольку ответ на него в значительной степени определяет деятельность синедриона и влияние, оказываемое им на политическую жизнь Союза в целом. Обратимся сначала к литературным источникам, которых, к сожалению, сохранилось немного. Собственно говоря, мы можем назвать лишь двух авторов — Диодора и Исократ. От Диодора мы слышим, что синедрион был учрежден совместным декретом афинян и союзников и что местом его заседаний были избраны Афины (Diod., XV, 28,4). Более конкретные сведения, касающиеся сессий синедриона, мы находим у Исократа, в одном из пассажей его «Платейской речи» (XIV, 21): «... фиванцы говорят, что они сделали это ради общего блага союзников, однако, поскольку здесь в Афинах имеется союзный совет (*ὁντος ἐνθάδε συνεδρίου*) и ваше государство может лучше разобрать дело, чем государство фиванцев, следовало, чтобы фиванцы явились сюда не для оправданий в уже совершенном ими, а для совещания с вами, прежде чем совершить что-либо из этого»¹⁸. Выражение *ὁντος ἐνθάδε συνεδρίου* можно понимать двояким образом: или как простая констатация того факта, что синедрион находился в Афинах, или в том смысле, что он заседал там постоянно, имея в виду при этом не непрерывность заседаний, а возможность проводить их в течение неограниченного периода времени. Какому из двух толкований отдать предпочтение, помогает определить нам надпись, опубликованная Дж. Оливером. Поражает необычность формулировки той ее части, где приводится постановление синедриона, ибо там указывается не только год, но и месяц и день: *ἐπὶ Ἀ[σ]τ[ε]ί[ω] Ἰρ[χ]ο[ν]τος, Σχιροφορίωνος ἐντὶ καὶ [νῆα]*¹⁹. Нам кажется, что такая подробная датировка могла быть вызвана только тем обстоятельством, что синедрион являлся постоянно действующим собранием. Поэтому-то и требовалось более точное и четкое обозначение выхода в свет каждого из его решений. Если наше предположение верно, то необходимо признать, что Афины не имели никакого отношения к заседаниям синедриона и что последний регулировал их сам через собственный руководящий орган, так же как это происходило и в Эллинском союзе 337 г. (SEG, 1, № 75, сткк. 20—24): *[συνεδρεύειν δὲ βίβλας ἀν ἡμέρας οἱ πρόεδροι τοῦ συνεδρίου παραγγέλλουσιν]*.

Такова была структура и организация синедриона. В ней мы наблюдаем довольно много черт, присущих парламенту. Это прежде всего наличие у синедриона руководящего органа, административных служб, финансовой независимости. Однако не следует переоценивать отмеченное сходство: в организации синедриона Второго морского союза отсутствовало то, что характерно для любого парламента: его депутаты представляли не всю нацию, а лишь отдельные независимые города.

Итак, мы можем теперь перейти к рассмотрению, пожалуй, самого сложного и запутанного вопроса о том, каковы же были функции синедриона как одного из органов верховной власти²⁰. Для этого нам необходимо будет установить степень уча-

¹⁷ Л а т ы ш е в, ук. соч., стр. 307, 333.

¹⁸ Перевод Н. Н. Залесского.

¹⁹ O l i v e r, ук. соч., стр. 461, сткк. 14—15.

²⁰ Существует несколько точек зрения: одна из них (P. C l o c h é, *La Politique étrangère d'Athènes de 404 à 338 avant J.-Ch.*, P., 1934, стр. 61—62; о н ж е, *La Démocratie athénienne*, стр. 297; G. G l o t z, R. C o h e n, *Histoire Grecque*, т. III, P., 1936, стр. 75; M a r t i n, ук. соч., стр. 254—255; B e n g s t o n, ук. соч., стр. 266; P. L é v é q u e, *L'Aventure Grecque*, P., 1964, стр. 323; G a u d e m e t, ук. соч., стр. 181) признает равноправие синедриона с экклесией; другая (M a r s h a l l, ук. соч., стр. 32; G l o t z, ук. соч., стр. 430—432) отдает приоритет синедриону; третья (E. L e n z, *Das Syndetion der Bundesgenossen im zweiten athenischen Bunde*, Königsberg, 1880, стр. 59), наоборот, — экклесии; согласно четвертой (P. В и п е р, *История Греции в классическую эпоху IX—IV вв. до Р. Х.*, М., 1961, стр. 430 сл.; C. P h i l l i p s o n, ук. соч., стр. 20; H a t z f e l d, ук. соч., стр. 227—228) синедрион относится к числу совещательных органов.

стия синедриона в различных сферах государственной деятельности, как-то законодательной, финансовой¹ и судебной, чтобы затем определить его правовое положение в Союзе. В соответствии с теорией разделения властей, о которой мы говорили выше, законодательная власть является наиболее важной для государства. Она устанавливает основные принципы, которые исполнительная власть должна проводить в жизнь и которые служат основой деятельности судебной власти. Законодательный орган занимает главенствующее положение по сравнению с исполнительными и судебными. Поэтому мы и начнем наше изыскание о полномочиях синедриона с его отношения к сфере законодательства.

Из целого ряда документов наибольшего внимания заслуживает неоднократно цитированная нами надпись, включающая в себя два постановления: одно из них принадлежит афинской эkkлeсии и буле (от него, к сожалению, сохранилась только последняя часть), другое — синедриону союзников²¹, начальные строки которого звучат следующим образом (сткк. 14—16): ἐπὶ Ἀ[σ]τ[ε]ι[σ] ἀρχ[ο]ντος, Συμποριωνος ἐνὶ καὶ ν[ε]α[ς] ἐ[πι]ψιφ[ι]ζοντος[.....Θ]ηβαῖο ἐδοξεν τοῖς [συ]μμάχοις. Испорченность текста не позволяет с точностью установить, каковы же были мотивы для выдвижения обоих декретов. По мнению первого издателя надписи Дж. Оливера, поводом послужило посольство от некоего государства, пожелавшего вступить в Союз и принимавшего на себя вследствие этого определенные религиозные обязательства²². А. Вильхельм связывал посольство с островом Парос и считал, что в документе говорилось о примирении Пароса с Хиосом, происшедшем при содействии афинян и других союзников²³. По-прежнему толкует содержание рассматриваемой надписи Аккаме. Он усматривает в ней проявление великодержавных стремлений Афин, первой жертвой которых стал Парос²⁴. Все приведенные мнения гипотетичны, и на сегодня можно лишь сказать, что посольство было, видимо, действительно из Пароса и что надпись касалась каких-то изменений в отношениях между союзниками и жителями названного города, о чем и свидетельствуют наиболее сохранившиеся строки из первого декрета (сткк. 7—13): ἀναγρ[ά]ψαι δὲ τὸ ψήφισμα καὶ τὰς διαλλαγὰς [ας] ἐ[ποι]ήσαντο οἱ σύμμαχοι τοῖς Παρίσις καὶ στῆσαι [σ]τῆλ[η]ν ἐν Ἀκροπόλει... [κα]λεσαι δὲ καὶ ἐπὶ ξ[ε]ν[ι]α εἰς τὸ πρ[ο]τα[ν]εῖον εἰς α[δ]ριον τοὺς πρέσβεις τῶν Π[αρι]ων²⁵. Но как бы то ни было, невозможно отрицать, что данный документ представляет собой единый, общесоюзный акт, исходящий от имени двух сторон: афинян и союзников. Что такие акты были не единичны, подтверждается и другими надписями. Укажем хотя бы на две из них. Так, в декрете о вступлении в Союз Керкиры, Аккарнии и Кефаллии мы читаем (IG, II/III², 1, 96, сткк. 22—24): π[ε]ρὶ καὶ συνεδρ[ο]ς τῶν πόλεων ἐκάστην εἰς τὸ συνέδριον τῶν συμμάχων κατὰ τὰ δόγματα τῶς συμμάχων καὶ τοῦ δήμου τοῦ Ἀθηναίων²⁶.

Формула κατὰ τὰ δόγματα τῶς συμμάχων καὶ τοῦ δήμου τοῦ Ἀθηναίων, на наш взгляд, опять-таки свидетельствует о совместном постановлении эkkлeсии и синедриона²⁷. С подобной же процедурой мы встречаемся и в надписи, содержащей пробулев-

²¹ Oliver, ук. соч., стр. 462; A. Wilhelm, Vier Beschlüsse der Athener, «Abhandl. der preuss. Akad. der Wiss.», 1939, № 22, B., 1940, стр. 8—10; Assame, La lega ateniese, стр. 229.

²² Oliver, там же.

²³ Wilhelm, ук. соч., стр. 6—9.

²⁴ Assame, La lega ateniese, стр. 236 слл.

²⁵ «Записать это постановление и те изменения, о которых договорились союзники с паросцами, и поставить стелу на Акрополе... пригласить на завтра на обед в пританей послы из Пароса» (восстановление Аккаме).

²⁶ «Направить и представителей от каждого города в союзный синедрион согласно решениям союзников и народа афинского».

²⁷ Вообще-то слово δόγμα не свойственно постановлениям афинской эkkлeсии, для которых употребляется другое слово — ψήφισμα, см. H. Liddell, R. Scott, Greek-English Lexicon, Oxf., 1929, s.v. δόγμα, τὸ (δοκέω)...2. public decree, ordinance, Andoc. 4. 6; Plat., Legg. 644d; τὰ τῶν Ἀμφικτυόνων δ. Dem., 5.19, cf. 18, 154 etc.; δόγμα ποιῆσθαι c.inf., Xen., An. 3.3.5: — not used of decrees made by the Athenian ἐκκλησία, which were ψήφισματα. Но, как нам кажется, прав и Диттенбергер, который замечает: «Конечно, в других отношениях более строго различаются

му Совета 500 относительно посольства, прибывшего от Дионисия Сиракузского. Последний предлагал афинянам свое посредничество как в восстановлении Дельфийского храма Аполлона, так и в переговорах о всеобщем мире 369/8 г. Здесь буле предлагает союзникам обсудить предложение Дионисия I и вынести по нему заключение (IG, II/III², 1, № 103, сткк. 8—13)²⁸. Мы не знаем, каково было решение союзников, однако несомненно, что оно должно было быть присоединено или к данной пробулевме, которая сохранилась не до конца, или уже к последующей псефизме экклесии, которая могла иметь место, если пробулевма требовала поправок или дополнений.

Нам важно, конечно, установить, в каких случаях *бόρυα* союзников были необходимы. Вывосил ли, например, синедрион свою резолюцию при вступлении в Союз новых членов? Отрывочность и скудность сведений вызвали самые противоречивые мнения по этому вопросу. С одной стороны, утверждается, что принятие новых членов находилось всецело в руках афинян²⁹, с другой, — что оно происходило в результате совместного декрета синедриона и экклесии³⁰. В сущности же мы располагаем лишь одной надписью, имеющей прямое отношение к разбираемому вопросу, — это только что упомянутый нами декрет о вступлении в Союз Керкиры, Акарнании и Кефаллении. Там, как мы видели, речь шла о совместном постановлении афинян и союзников. Надпись относится к 375 г., т. е. к тому времени, когда афиняне еще не решались открыто и грубо нарушать основные принципы Союза, вследствие чего его конституция выступала в своем первоначальном виде. Таким образом, на основании этого документа можно утверждать, что принятие новых членов действительно составляло одну из обязанностей синедриона.

Не лучше обстоит дело и с источниками, касающимися внешней политики Второго морского союза, его связей и отношений с другими государствами. Большинство исследователей³¹ склонно считать, что дипломатическая инициатива принадлежала афинскому государству, но что ни одного договора не могло быть подписано, ни одного союза не могло быть заключено без согласия синедриона. И действительно, имеются некоторые примеры, которые служат доказательством этого положения. С одним из них мы уже встречались в надписи, где говорилось о посольстве Дионисия Сиракузского. Другой пример относится к союзу, заключенному между афинянами и жителями Аркадии, Ахеи, Элиды и Флиунта. Из декрета явствует, что вышеозначенный союз еще ранее получил одобрение синедриона и буле (IG, II/III², 1, № 112, сткк. 12—19)³². Еще одно доказательство подобного рода находится в речи Эсхина «Против Ктесифонта», в которой оратор приводит решение союзников по поводу установления мира с Филиппом (Aesch., III, 69): «И вот ... было прочитано общее решение союзников, основное содержание которого я вам кратко изложу. Прежде всего они написали, чтобы вы обсудили вопрос только о мире; о военном союзе они даже не упомянули, и не потому, что забыли об этом, а потому, что и сам мир считали скорее вынужденным, чем

φησιόματα афинян и *бόρυα* союзников: однако в данном случае, где эти два вида декретов объединены, одинаковое наименование, употребляемое для обоих, не вызывает какого-либо неудобства».

²⁸ «Относительно письма, которое прислал Дионисий по поводу сооружения храма и (заключения) мира, — союзникам представить в Народное собрание решение: то, что им по обсуждению кажется наилучшим».

²⁹ Th. Lenschau, *Der Kampf um die Vorherrschaft* 431—338, JAW, Bd. 122, 1904, стр. 241; Marshall, *ук. соч.*, стр. 96 сл.; Phillips, *ук. соч.*, стр. 19.

³⁰ Cloché, *La Politique étrangère d'Athènes*, стр. 61—62; он же, *La Démocratie athénienne*, стр. 297; Glotz, Cohen, *ук. соч.*, стр. 75; Assamé, *La légation athénienne*, стр. 121; Hammond, *ук. соч.*, стр. 488; Ellul, *ук. соч.*, стр. 147; Ehrenberg, *ук. соч.*, стр. 141.

³¹ Marshall, *ук. соч.*, стр. 28 сл.; Hammond, там же; Ryder, *ук. соч.*, стр. 56.

³² «... поскольку союзники представили в Совет решение — заключить симмахию, как предлагают аркадяне, ахейцы, элейцы и флиунты, — и (поскольку) Совет вынес пробулевму, согласную с этим, народ постановил: быть союзниками, в добрый час народу, на вечные времена демосу афинскому и его союзникам, с одной стороны, и аркадянам, ахейцам, элейцам и флиунтянам, — с другой».

почетным»³³. Следовательно, если бы речь шла не о мире, а о союзе с Филиппом, процедура его заключения была бы аналогичной. Однако существуют и такие примеры, которые вроде бы ставят под сомнение все то, о чем было сказано выше. Так, в документах о союзе Афин с Дионисием I (IG, II/III², 1, № 105, 523) и Амвиптой III (IG, II/III², 1, № 102) не упоминается предыдущая догма синедриона; то же самое наблюдается и в случае переговоров между Афинами и Спартой в 371 г. и между афинянами и фессалийцами в 361 г. (IG, II/III², 1, № 116). Конечно, легче всего было бы объяснить это несоответствие тем обстоятельством, что резолюции союзников иногда присоединялись не к постановлениям народа, а к пробулевмам Совета 500 и что последние могли просто-напросто не сохраниться. С другой стороны, небезынтесна и точка зрения Е. Ленца, согласно которой все договоры, не содержащие подтверждения синедриона, были заключены только афинянами без участия других членов Второго морского союза³⁴. Маршалл считает такую гипотезу неправомочной³⁵ и, как нам кажется, без достаточных на то оснований. Ведь нужно не забывать, что кроме общесоюзных дел афинское государство имело и собственные внешнеполитические интересы, которые оно могло удовлетворять, совершенно абстрагируясь от своих союзников. Но когда предполагалось, что та или иная политическая связь затрагивает Союз в целом, тогда уже нельзя было обойтись без санкции синедриона. Свидетельство этому — пассаж из речи Эсхина «Против Ктесифонта».

Одним из важнейших аспектов внешней политики любого государства является вопрос о войне и мире. И нам предстоит выяснить, каково же было его разрешение во Втором Афинском морском союзе. Обратимся для этого к процедуре, связанной с подготовкой и заключением Филократова мира (346 г. до н. э.). Согласно Эсхину, изложение которого в данном случае кажется более правдоподобным, на суд народа было вынесено два предложения. Первое исходило от синедриона союзников и поддерживалось всеми «кто тогда выступал» (Aesch., III, 71), другое, в качестве пробулеммы Совета 500, — от Филократа³⁶. Обсуждение происходило на экклесиях, назначенных на 18-е и 19-е Элафеболиона (Aesch. II, 61). Союзники настаивали на том, чтобы с Филиппом был заключен только мир и чтобы любое греческое государство имело возможность присоединиться к мирному договору в течение трех месяцев (Aesch., III, 70). Филократ, в свою очередь, хотел исключить из участия в переговорах с Македонией «галяйцев и фокидян» и требовал установить с Филиппом не только мир, но и союз. Началось обсуждение, и чаша весов постепенно стала склоняться в пользу первого предложения. Однако прибывшие в это время в Афины македонские послы заявили, что предложение синедриона будет для Филиппа нежелательным. Поэтому на следующий день народному собранию уже нужно было решать, продолжать ли войну с Македонией или заключить мир на условиях, которые исходили от Филократа. Народ высказался в пользу мира и союза с Филиппом (Aesch., III, 71—72). На основании этого решения экклесии Джилберт³⁷ и Филлипсон³⁸ делают вывод, что вся законодательная власть в Союзе, включая и вопросы о войне и мире, принадлежала Афинам, а полномочия синедриона носили лишь совещательный характер. Мы не можем согласиться с таким выводом. Данная псефизма дошла до нас в нарочито запутанном пересказе двух ораторов, и мы не знаем, была ли она дополнена догмой союзников или нет. Кроме того, существует и другая псефизма Народного собрания, которая заставляет нас полностью отказаться от мнения Джилберта и Филлипсона. Мы имеем в виду договор о союзе с Керкирой, заключенный в 375/4 г. Приведем его полностью (IG, II/III², 1, № 97): «Союз керкирцев и афинян на вечные времена. Если кто-нибудь нападет на отечество керкирцев или народ керкирский, пусть афиняне придут на помощь».

³³ Перевод Л. М. Глускиной.

³⁴ Lenz, ук. соч., стр. 30 сл.

³⁵ Marshall, ук. соч., стр. 30.

³⁶ Филократ в тот момент был членом Буле.

³⁷ G. Gilbert, The Constitutional Antiquities of Sparta and Athens, L., 1895, стр. 442.

³⁸ Phillipson, ук. соч., стр. 23.

всеми возможными средствами, как того требуют керкирцы; и если кто-нибудь нападет на демос афинский или на отечество афинян, по суше или по морю, пусть керкирцы придут на помощь всеми возможными силами, как того требуют афиняне. Запретить жителям Керкиры объявлять войну и заключать мир без афинян и большинства союзников. Делать и все прочее согласно решению союзников. Клятва. Если кто-нибудь нападет на отечество керкирцев по суше или по морю, я окажу помощь народу керкирскому всеми возможными средствами, как того требуют керкирцы; относительно войны и мира я буду поступать в соответствии с тем, что решит большинство союзников; и все прочее я буду делать согласно решению союзников; и я клянусь Зевсом, Аполлоном и Деметрой; и пусть мне, сохраняющему клятвы, будет великое благо, если нет, наоборот. Если кто-либо нападет по суше или по морю на отечество афинян, я окажу помощь народу афинскому всеми возможными средствами, как того требуют афиняне; относительно войны и мира я буду поступать в соответствии с тем, что решат афиняне и большинство союзников; и все прочее я буду делать согласно решению афинян и союзников; и я клянусь Зевсом, Аполлоном и Деметрой; и пусть мне, сохраняющему клятвы, будет великое благо, если нет, то наоборот». Договор, как мы видим, составлен в виде клятвы, даваемой афинянами — с одной, и жителями Керкиры, с другой стороны. Можно не сомневаться, что слова «относительно войны и мира я буду поступать в соответствии с тем, что решит большинство союзников» восходят к самому основанию симмахии. И никакой, даже самый искусный аргумент не может затемнить прямоту и откровенность клятвы, предпосылаемой от имени афинского государства. Поэтому и в случае с миром Филократа надо или признать, что своей второй догмой синедрион все-таки подтвердил окончательное решение народа, или рассматривать данный случай как грубое нарушение конституции Союза. В 346 г. союзники были уже очень слабы и афиняне могли действовать по собственному усмотрению.

Все сказанное выше позволяет говорить о непосредственном участии синедриона в законодательной деятельности Второго морского союза. Любой общесоюзный акт содержал в себе два постановления: псефизму эkkлeсии и догму союзников, причем первое постановление иногда заменялось пробудеваемой Советом 500. А это значит, что о такой вещи, как расхождение во мнении между афинянами и союзниками, не могло быть и речи. И если все-таки разногласия возникали, то они разрешались в виде уступки одной из сторон. Так как догма союзников выносилась раньше, чем решение демоса³⁹, то несомненно, что в годы расцвета симмахии такой стороной являлось афинское государство⁴⁰.

При основании Второго морского союза вопрос о финансах не был оставлен без внимания. Это и понятно, ибо невозможно представить себе существование Союза без денежных взносов, выплачиваемых его членами. Эти взносы в отличие от форо́са получили название синтаксис. Изменение терминологии приписывается Каллистрату, который руководил финансовыми делами нового политического объединения: *ἐδεχον δὲ καὶ τοὺς φόρους συντάξεις, ἐπειδὴ χαλεπῶς ἔφερον οἱ Ἕλληνας τὸ τῶν φόρων ὄνομα, Καλλιστράτου οὗτο καλέσχυτες ὡς φησι Θεόπομπας*.⁴¹ Из этих слов как будто бы следует, что Каллистрат изменил только название взноса, оставив прежним его содержание⁴².

³⁹ *δῶγμα* всегда обсуждалась на первой эkkлeсии.

⁴⁰ Поэтому совершенно неоправданным кажется взгляд (Marshall, ук. соч., стр. 35; Cary, The Second Athenian League, стр. 70; Martin, ук. соч., стр. 255; Hammon, ук. соч., стр. 486), что если *δῶγμα* союзников и резолюция демоса не совпадали, то дело оставалось в прежнем состоянии.

⁴¹ *Нагросс. s.v. συντάξεις*. По мнению Джилберта (Gilbert, ук. соч., стр. 443) и Филлипсона (Phillipson, ук. соч., стр. 21), союзники вначале не вносили синтаксиса, а представляли военные и морские контингенты. Для подтверждения своего мнения оба ссылаются на те строки декрета Аристотеля (IG, II/III², 1, № 43, сткк. 22—23), где говорится, что союзники не должны были вносить форо́с. Однако форо́с, как мы сейчас увидим, не имел ничего общего с синтаксисом. К тому же Каллистрат принимал самое активное участие в основании симмахии (Diod., XV, 29, 7).

⁴² Латышев, ук. соч., стр. 338; A. Boeckh, The Public Economy of Athens, L., 1842, стр. 419.

Однако такое толкование неверно. Мы считаем ⁴³, что изменение в названии было вызвано реальным изменением вещей. Ведь те города, которые некогда рассматривались как подчиненные, теперь стали равноправными союзниками — положение, которое совершенно четко зафиксировано в декрете Аристотеля (IG, II/III², 1, № 43, сткк. 19—23); следовательно, их деньги предназначались теперь не для удовлетворения нужд одного города, а использовались для общих целей. Поэтому, если форо́с взыскивался принудительно, то синтаксис, хотя и был обязательным, вносился добровольно ⁴⁴. Вот почему, когда Хабрий, вскоре же после битвы при Наксосе, послал Формиона собирать взносы с прибрежных городов, те встретили его радушно, и Формион возвратился оттуда с целым флотом, который снарядили союзники, чтобы доставить деньги в Афины (Plut., Phoc. VII). Вероятно, синтаксис платили все члены симмахии, поскольку ее принципы благоприятствовали равенству как больших, так и малых городов и освобождение одного города от денежной контрибуции, хотя бы даже логически оправданной, могло вызвать недовольство среди других союзников. С другой стороны, размеры синтаксиса, по-видимому, зависели от оказываемой военной и морской помощи. Во всяком случае, мы слышим от [Демосфена] о присутствии беотийских кораблей во флоте Тимофея ([Dem.], XLIX, 14), да и Ксенофонт устами керкирских послов предупреждает афинян, что если они лишатся Керкиры, то увеличат силы врагов, так как никто, кроме керкирцев, не доставляет им столько денег и столько кораблей (Xen., Hell., VI, 2, 9).

Мы имеем очень скудные сведения о суммах синтаксиса. По свидетельству Эсхина, Эретрия, так же как и Орей, платила в период между 357 и 349 гг. до н. э. ежегодно пять талантов (Aesch., III, 94, 100), тогда как из надписи, относящейся к 425 г., мы узнаем, что форо́с Эретрии составлял 15 талантов (IG, I², № 63). Демосфен говорит, что в 355/4 г. общая сумма синтаксиса равнялась 45 талантам (Dem., XVIII, 234). По словам Эсхина, с островных государств собиралось до 60 талантов (Aesch., II, 71). Но это все примеры из поздней истории Союза. Что же из себя представлял синтаксис в период его расцвета, достоверных свидетельств не существует. Предполагается только, что он был в четыре или даже семь раз больше той суммы, которую называют Эсхин и Демосфен ⁴⁵.

Возникает вопрос, имеющий для нас принципиальное значение, а именно, кем и как производилась раскладка синтаксиса. Мы, например, знаем, что форо́с, как правило, устанавливался афинским государством, что нашло свое выражение в формуле, которая, по-видимому, была обычной в практике Делосской симмахии (IG, I², № 39, сткк. 25—27): καὶ τὸν φόρον ὁποῦντ' Ἀθηναίσις(ιν), ὃν ἂν πεῖθω Ἀθηναίους. Нам также известно, что избирались особые должностные лица из числа афинян, в обязанности которых входило установление платежеспособности союзных городов. И только некоторым городам в виде особой привилегии предоставлялось право самостоятельной раскладки форо́са (IG, I², № 212, сткк. 71—72): πόλεις αὐταὶ (φόρον) ταῖς ἀμεναί. Иначе обстояло дело во Втором Афинском морском союзе. Правда, и здесь мы встречаем категорию городов, которые сами устанавливали нормы своих взносов. Например, от [Демосфена] мы слышим, что афинский народ согласился на то, чтобы энейцы платили синтаксис в таком количестве, которое они определили по взаимному соглашению со стратегом Харесом ([Dem.], LVIII, 38). Однако случаи, подобные описанному, были довольно редки; для общей же массы городов синтаксис определялся союзным синедрионом. Такой вывод можно сделать на основании декрета (340/39 г.), изданного в честь жителей Тенедоса за то, что они помогли афинянам защитить от Филиппа город

⁴³ Cp. P. P a n s k e, De contributionibus societatis alterius maritimae earumque exactione quaestiones epigraphicae, в кн. «Griechische Studien Hermann Lipsius dargebracht», Lpz., 1894, стр. 5; H. F r a n c o t t e, Les finances des cités grecques, P., 1909, стр. 80; A. A n d r e a d e s, A History of Greek Public Finance, Cambr., Mass., 1933, стр. 213.

⁴⁴ F r a n c o t t e, ук. соч., стр. 81; L é v é q u e, ук. соч., стр. 323; A s s a m e, L'imperialismo ateniese, стр. 22.

⁴⁵ A n d r e a d e s, ук. соч., стр. 313, прим. 9.

Византий. Декрет освобождает тенеосцев от уплаты синтаксиса в течение года, причем речь идет о синтаксисе, который был декретирован Народным собранием — [τὴν σύνταξιν] τὴν ἐψηφισμ[ένην] (IG, II/III², 1, № 233, стк. 20). Но последующие строки надписи указывают и на непосредственное отношение синедриона к этому вопросу: ἕως ἂν κομίσω[νται] τὰ χρήματα πάντα· ἐν δὲ τούτῳ τῷ χρόνῳ μὴ εἶναι εἰσπραῖσαι μήτε στρατηγῶν μήτε ἄλλων [μ]η[θ]ενὶ μήτε ἀργυρίον μήτε ἄλλο μ[η]θέν, μηδὲ τοῖς σ[υν]εδροις εἶναι κατὰ ταῦτα ἐν τῷ χρόνῳ το[ύ]τῳ, ἕως ἂν κομίσω[νται] Τανέειναι τὰ χρήματα ἅπαντα ἃ κεχρήχασιν (сткк. 25—30). Таким образом, прослеживается следующая процедура: сначала синедрион устанавливал нормы обложения (αἱ τάξεις), а уже затем они декретировались афинской эkkлeсией. Следовательно, в новом объединении, как правильно заметил П. Панске, уже не союзники соглашались с тем, что диктовали афиняне, а наоборот, последние одобряли то, что предлагали первые ⁴⁶. Данное положение находит свое полное подтверждение и в другой надписи, касающейся размещения афинского гарнизона в Андросе (356 г. до н. э.). В ней, на наш взгляд, с еще большей очевидностью проявляется тот принцип, на основании которого устанавливались взносы союзных городов (IG, II/III², 1, № 123, сткк. 9—12): ἔπως... καὶ ἐχ[ω]σ[ιν] οἱ φερούσι οἱ ἐν Ἀ[νδρῶν]ι μισ[θ]όν ἐκ τῶν συντάξεων κατὰ τὰ δογ[μα]τὰ τ[ω]ν συμμάχων.

Согласно конституции, синтаксис, по-видимому, должен был вноситься в союзную казну ⁴⁷, упоминания о которой мы находим в декрете Аристотеля (IG, II/III², 1, № 43, стк. 29). Однако с течением времени, по мере усиления афинского влияния в Союзе, взимание взносов стало поручаться отдельным стратегам, ведущим военные действия в тех или иных районах. Так, Исократ говорит о Тимофее (XV, 113): «Наконец, он захватил Потидею..., израсходовав собственные деньги и синтаксис, полученный из Фракии». Известно также, что Харесу, Харидему и Фокиону был ассигнован синтаксис Лесбоса ⁴⁸. В дальнейшем право собирать союзные взносы всецело перешло в руки афинян, и мы даже встречаем специальную комиссию, назначенную для этой цели (IG, II/III², 1, № 111, сткк. 12—14).

Финансовые полномочия синедриона, и прежде всего его участие в разработке союзного «бюджета», составляли особую прерогативу этого органа. Мы даже берем на себя смелость утверждать, что и законодательными функциями синедрион обладал только потому, что он обрел полномочия в области финансов. И именно здесь мы можем говорить об установлении контроля над исполнительной властью. И как бы ни был примитивен этот контроль, афинское правительство обязано было с ним считаться: на протяжении всей истории Союза мы не встречаем случая, чтобы афиняне сами определяли или изменяли нормы союзных взносов.

Остается сказать несколько слов о судебной деятельности синедриона. Мы считаем, что в рассматриваемой симмахии не существовало общесоюзного суда и юридическая активность в основном падала на афинское государство. Союзники лишь подтверждали приговор, вынесенный гелизней. Однако один из параграфов декрета Аристотеля позволяет нам предположить, что незначительные юридические вопросы находились в ведении синедриона. Указанный параграф предусматривает ситуацию, касающуюся приобретения афинским гражданином недвижимой собственности в союзном государстве. Тогда, согласно положению, каждый желающий мог сообщить об этом преступном деянии членам союзного совета. Последние же после конфискации и продажи незаконно приобретенной собственности должны были половину вырученных денег отдать информатору, а остальное внести в союзную казну (IG, II/III², 1, № 43, сткк. 48—55). Само собой разумеется, что здесь идет речь о привлечении к суду и наказании провинившегося афинянина, хотя и остается неясным, выносил ли сам синедрион приговор о конфискации имущества или возлагал *jus multae* на своих проедров.

⁴⁶ Panske, ук. соч., стр. 73; ср. Glotz, ук. соч., стр. 430; Cloché, La Démocratie athenienne, стр. 298; Ténékidès, ук. соч., стр. 606; Gaudemet, ук. соч., стр. 181.

⁴⁷ Francotte, ук. соч., стр. 81; Hammond, ук. соч., стр. 487.

⁴⁸ См. Marshall, ук. соч., стр. 40, прим. 2.

Заключившая рассмотрение вопроса о правах и обязанностях союзников, нам хотелось бы отметить следующее. В истории возникновения и развития представительных институтов синедрион Второго морского союза занимает своеобразное положение. Он не был, да и не мог быть парламентом, но в то же время он не являлся уже совещательным органом, во всем подчиняющимся правительству. Синедрион первым попытался ограничить исполнительную власть во всех видах государственной деятельности, и если ему удалось добиться своего только на короткий срок, то это объясняется тем, что синедрион не обладал в полной мере правами, которые присущи действительным парламентам. Однако опыт синедриона не остался без последствий. Те федеральные и парламентские начала, которые он нес в себе, получили дальнейшее развитие в крупных территориальных объединениях эллинистической эпохи.

Н. П. Гребенский

ELEMENTS OF PARLIAMENTARISM IN THE SECOND MARITIME CONFEDERACY

by N. N. Grebensky

The compromise struck between the Athenians and their allies, which is attested in the lines of the decree proposed by Aristoteles (IG II/III², 1, № 43), was responsible for the form taken by the sovereign administrative authority of the symmarchy established by this decree early in 377 B. C. At the head of the Confederacy stood two bodies: the Athenian Assembly (*ekklesia*) and the Council of the Allies (*συνέδριον*). The latter body has a special place in the history of representative institutions, since it marks a decided step towards parliamentary rule. The Council of the Allies had its own administrative organs, its own treasury, and was completely independent of the executive authority, which lay in the hands of Athenian magistrates. Side by side with the *ekklesia* the Council of the Allies participated directly in the legislative, financial and, to some extent, the judicial activities of the Confederacy. Any act undertaken by the Confederacy as a whole was authorised by two decrees: a psephism of the *ekklesia* and a *dogma* adopted by the allied representatives in the *συνέδριον*. This was the first attempt to limit an executive authority in all spheres of government. The Council of the Allies was not of course a parliament, but neither was it merely an advisory body, subordinate in all respects to a government. The embryonic beginnings of federal and parliamentary political rule contained in the Council of the Allies of the Second Maritime Confederacy were to develop further in the great territorial federations of the Hellenistic period.